

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/44/10

С.А. Гашков

ЯЗЫК И ИСТОРИЯ ПО М.ФУКО И Э. КОСЕРИУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

На основании сравнения основных положений двух ученых – М. Фуко и Э. Косериу – относительно взаимосвязи языка и истории, предпринята попытка показать эвристичность позднего структурализма в отношении разрешения антиномий, стоявших перед классической философией языка: «синхрония» и «диахрония», структура и изменение, деривация и причинность, – и заставлявших ее безоговорочно принимать естественнонаучные методы как единственно строгие и научные. Однако, стремясь выйти из антиномий классического структурализма, авторы создают почву для формирования новых «антиномий», связанных с ролью сознания в языковой реальности.

Ключевые слова: язык, история, Фуко, Косериу, философия языка, структурализм, сравнительный анализ.

Необходимо поставить проблему бытия языка в качестве задачи, чтобы не вернуться снова к уровню наук XVIII века, уровню эмпиризма.

М. Фуко

Наше фундаментальное положение состоит в том, что лингвистическая история соответствует реальному бытию языка как такового...

Э. Косериу

Введение

Сравнение между «археологией» М. Фуко (в «Словах и вещах») и трудами Э. Косериу продиктовано нашими попытками ответить на вопрос о сущности эпистемы у М. Фуко. Проблема, которую ставит и не решает Фуко в «Словах и вещах» состоит, на наш взгляд, в противоречии «археологии» и «эпистемы». Археология является, по существу, эмпирическим методом, в то время как эпистема предполагает трансцендентальную проблематику «условий возможности знания». Сам Фуко, избегая упреков в трансцендентализме, вскоре отказывается от эпистемы в пользу дискурсов, архивов и, наконец, «генеалогии». Однако вопрос, на наш взгляд, остается открытым: как возможны «неметафизические» философии истории и языка?

В поисках ответа на этот вопрос мы и обратились к трудам Эуджена Косериу, который является не только лингвистом, а тем философом языка, ко-

торый поставил вопрос о языковых изменениях в качестве «коррелятива» исторического процесса. Как и у Фуко, язык и история у Косериу коррелятивно взаимосвязаны. Однако нам представляется, что Косериу удастся по-своему поставить вопрос, поставленный (и оставленный неразрешенным) Фуко, и продвинуться в нем значительно дальше. Известно, что Фуко активно выступает против «гуманизма», диалектики, «метафизики» как «норм» современного научного процесса. Пытаясь доказать их ограниченность, он допускает в своей «археологии» недопустимое, по сути, упрощение, так как рассматриваемые им языковые, исторические, а также научно-мировоззренческие или культурологические феномены могут иметь различную природу. Идет ли речь только о языке или о структуралистской «экспансии» языковых феноменов на историческую действительность? Очевидно, что в «Словах и вещах» эпистемологическое поле одним языком не ограничено. Остается два пути: или «двигаться» от Фуко к неоклассической философии, пытаясь обосновать бытийно-историческую возможность знания, или же показать возможность систематической структурности и в то же время событийности языкового бытия. При этом необходимо мыслить языковое бытие как живую, творческую и сознаваемую основу изменений, как это и делает Косериу.

Таким образом, мы ставим задачу доказать следующее. Вопреки тому что Фуко заставил думать о себе преимущественно как о философе норм, дискурса и власти, благодаря сравнению с Косериу мы показываем, как ими воссоздается историчность сущего как бытийная основа языка. Благодаря сравнению Фуко с Косериу мы приходим к выводу, что при общей критике структурализма часто упускается из виду его эвристическая составляющая: дело не только в том, что он противопоставляет себя классическим философиям языка и истории, но и в том, что он имеет с ними общие существенные моменты в решении задач познания языковой и исторической реальности, которые остаются актуальными до сих пор.

Оригинальность вклада Фуко здесь, на наш взгляд, состоит в том, что он бросил вызов позитивистскому толкованию структур в рамках «гуманистического» подхода, выведя эпистемологию «по ту сторону» диалектики и персонализма. Оригинальность же вклада Косериу состоит в том, что он перевел эпистемологию из поля семиотики в поле семантики, обеспечив прочную коррелятивную связь языкового бытия и исторического мышления, предотвратил «постмодернистское» толкование структур как дискурсов. Тем самым он не только показал возможность лингвистики как науки «по ту сторону» естественнонаучных методов, но и структуралистской философии языка «по ту сторону» оппозиции означающего и означаемого, чего не удалось, на наш взгляд, сделать Фуко, остановившему свой выбор на анализе дискурсивностей (совокупностей означающих).

Фуко и Косериу как поздние структуралисты

Общее основание для сравнения этих исследователей состоит в активном поиске обоими общей рациональной составляющей в антиномии детерминизма и дескриптивизма в самом широком смысле слова. Модели постижения истории и языка, построенные на принципах причинности, деривации, оказываются недостаточными. В свою очередь, структурный подход кладет в

свою основу антиномию «синхронии» и «диахронии», т.е. противопоставляет историю и язык между собой. Известно, что Соссюр сравнивал лингвистику с шахматной игрой, говоря о том, что как для умения сыграть партию в шахматы знание истории шахмат бесполезно, так и знание истории языка бесполезно для языковедения. Каждый язык представляет собой самодостаточную структуру, в которой знаки служат референцией друг для друга. Как Фуко, так и Косериу стремятся сохранить достижения структуралистского подхода, но не спешат отказаться от истории, которая становится важнейшим инструментом языкового и философского познания. Общей основой для такого решения антиномии является для обоих исследователей исторический процесс, в ходе которого неоднородные явления получают структуры, необязательно носящие детерминированный или деривационный характер.

Работы Фуко и Косериу выразили собой, с одной стороны, критическое развитие структурализма. С другой стороны, они явились, на наш взгляд, своеобразной реакцией на экзистенциализм и тезис М. Хайдеггера о том, что язык – это дом бытия, тезис, возродивший философский интерес к бытию языка как таковому и историчности человеческого присутствия. Вклад Хайдеггера мы усматриваем прежде всего в отказе от натуралистического, объективистского и эссенциалистского подхода к языку. У Фуко и Косериу, как и у Хайдеггера, язык является выражением повседневного присутствия человека в мире. В «Словах и вещах» Фуко подчеркивает, что человек раскрывает себя в мире как говорящее, трудящееся и живущее существо. Мало сказать, что языковые значения возникают из практики, но и важно подчеркнуть, что эта практика имеет изменяющуюся природу и не сводится к одному классу причин: экономических, природных или общественно-политических, как на то претендовал бы лингвистический натурализм. Таким образом, Фуко и Косериу (оригинально и каждый по-своему) продолжают идею Хайдеггера о языке как о «доме бытия»: язык обладает сущностным единством, которое не противоречит многообразию языковых форм. Однако Фуко здесь ближе к Канту, а Косериу к романтикам: ведь для Фуко речь идет не о реально существующих языках, а об априорных логических структурах, делающих возможным язык как «говорение истинь».

Наконец, бурное развитие теоретической лингвистики как науки в XX в. и, в частности, достижения трех основных школ лингвистического структурализма (Пражской, Американской и Копенгагенской) привели к постановке вопроса о формальной структуре языка, науке о языке, отличной от традиционной грамматики. Бурное развитие структурализма во Франции (особенно в этнографии, литературоведении, медиевистике, психоанализе, неомарксизме и т.д.) обусловило переосмысление теоретических оснований этих наук, их относительную автономизацию от естествознания и нравственно-политической философии.

Косериу публикует свой трактат «Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения» на испанском языке в 1958 г. Критикуя абсолютизацию Соссюровского противопоставления «синхронии» и «диахронии», исторического и структурного, лингвист достигает «синтеза двух противоположных направлений» «в результате критического пересмотра их основных положений и выявления в них рациональных элементов» [1. С. 127]. Фуко с его книгой «Слова и вещи» (1966) Н. Автономова относит к

«третьему этапу структурализма», для которого «язык... служит уже не источником методологических схем, сколько метафорой для обозначения некоего общего принципа... тех продуктов культуры, которые в готовом виде кажутся несоразмерными...» [2. С. 11]. Таким образом, мы можем отметить близость методов этих «позднеструктуралистских» авторов: для обоих философов речь идет о поиске принципов синтеза противоположных позиций для преодоления апорий и антиномий, унаследованных от «больших теорий» прошлого.

Косериу отмечает, что когда предъявляется требование сделать науку о языке точной наукой, предлагается заимствовать методы точных (физических) наук. Ведь тот же Соссюр не скрывал своего стремления превратить лингвистику в науку, подобную математике. «На самом деле, – пишет он, определенная наука является точной не потому, что она физическая наука, а потому, что она соответствует природе *своего* метода... Науки о культуре обладают точностью своего типа, и уподоблять их физическим наукам (наукам другого типа) – это значит превратить их в ... «лженауки» [3. С. 272]. Тот тип причинности, который соответствует естественным наукам, в лингвистике неприменим.

В предисловии к английскому изданию «Слов и вещей» Фуко также сетует на то, что престиж гуманитарных наук во Франции значительно упал из-за признания естественнонаучного знания единственным идеалом научности. Он отмечает, что сложно применять традиционные методы для определения причинности в эмпирических науках: объяснять *изменения* духом времени, степенью технологического развития и т.п.

Вопрос о наследии классической философии ставится как Фуко, так и Косериу. Возрождение интереса к классике продиктовано здесь критикой натурализма. Дело в том, что структурализм и позитивизм продолжали носить черты, присущие натурализму и антропологизму. Археология Фуко, ставит заново критические вопросы Канта (за исключением последнего из них: «что есть человек?») и опирается на критическое наследие классики в противовес натуралистической интерпретации той же классики в виде прогрессизма и объективизма. В отличие от философской классики, Фуко настаивает на принципе прерывности, идущем из французской эпистемологии (Ж. Кавайес, Ж. Кангилем, Г. Башляр).

Методы Фуко и Косериу являются, таким образом, не полностью структуралистскими, а черпают у классики ее интерес к смыслу, бытию и истории.

Бытие языка

Язык как по замыслу Фуко, так и по замыслу Косериу не сводится к его функциональности. Вопрос о бытии языка напрямую связан с вопросом об условиях возможности языка в культуре. В эволюции своей мысли от «Слов и вещей» к «Археологии знания» Фуко отказывается от изначального представления об эпистеме, служащей привязкой языка к знанию, показывая, что человек живет в культуре и что в культуре нет безусловных значений. История («археология») языка, как по Фуко, так и по Косериу, служит единственным путем к языковой реальности.

Как Фуко, так и Косериу ставят на первый план эмпиричность, противопоставляя ее спекулятивным антиномиям. Историчность знающих, по Фуко и

по Косериу, ничем не отличается от историчности говорящих. Не существует «трансцендентальной» инстанции, с точки зрения которой мы можем строить науку о языке, как это происходит в обычной лингвистике. Каким же образом мы можем говорить о языке вообще, тогда как мы имеем дело с множеством эмпирических языков, которые, к тому же, могут быть рассмотрены с точки зрения различных типологий? Также мы можем спросить о том, каким образом происходит отбор знаний в рамках эпистем. Ведь, например, «археология» Фуко и отличается от истории наук тем, что она не делает различия и не строит иерархических и генеалогических отношений между философскими, юридическими и естественнонаучными текстами.

Важно, что Косериу подчеркивает тот факт, что язык является не просто одним из социальных фактов, но важнейшим социальным фактом. Язык обладает, согласно Косериу, не надчеловеческой, а межчеловеческой природой. Косериу подчеркивает, что язык является не просто продуктом общества, а «универсальной человеческой деятельностью», «которая осуществляется отдельными индивидами как членами исторических сообществ» [4. С. 166]. В этом высказывании для нас важны все моменты: универсальность, деятельность, историчность. Эпистема в «археологии» Фуко строится также вокруг проблемы языка. Дело в том, что при внимательном анализе «Слов и вещей» обнаруживается, что системообразующей является «классическая» эпистема XVII в., а основой для нее служит, в свою очередь, «Универсальная Грамматика» Арно и Лансло, которая, по Фуко, является своего рода семиотической матрицей классического периода.

«Эпистема» также обладает характеристиками универсальности и историчности. Но в отличие от Фуко, Косериу настаивает на том, что язык обладает двумя измерениями: язык как *εἶδος* и язык как *ἐνεργεία* (тезис, идущий от Гумбольдта). Наука стремится изучать язык как *εἶδος* (объект), но язык в собственном смысле всегда есть *ἐνεργεία* (деятельность). Язык, по Косериу, определяется пятью универсальными измерениями: креативность (*ἐνεργεία*), материальность, семантичность, инаковость (*alterita*), историчность. Язык (*language*) есть свободная, творческая деятельность, которая представляет себя в форме частного языка (*langue*). Семантичность есть отличие языка от других культурных форм, а историчность представляет собой «постоянное проявление солидарности с сообществом говорящих субъектов» [5. С. 81].

Если мы восстановим «теорию языка» в «Словах и вещах» Фуко, то получим следующую картину. В эпистеме XVI в. язык представляет собой часть мира, «часть великого распределения подобий и примет» [6. С. 71]. В XVII в. самостоятельное существование языка прекращается, язык начинает «фиксировать представление, разлагать и снова соединять» его [Там же. С. 115], предпочтительное значение языка по отношению к другим системам знаков определяется его способностью производить *последовательность* языковых знаков. Таким образом, «классическая дискурсия» сводится к именованию вещей и двоякому употреблению глагола «быть»: «*приписывать имя вещам и именовать этим именем их бытие*» [Там же. С. 154]. К XIX же веку язык сводится к статусу «простого объекта», т.е., с одной стороны, служит для наиболее нейтрального описания природы, с другой стороны, язык сам становится объектом исследования «духа народов». Классическая дискурсия, согласно Фуко, выразилась в противопоставлении формализованного

уровня уровню интерпретации. Следующим шагом является «аналитика конечного человеческого бытия», в которой каждый язык учреждается не на «общей глагольной», а на «собственной основе» ([6. С. 58], т.е. фактически обнаружение того различия, которое Соссюр наблюдает между *языком* и *речью*. Также такая позиция соответствует взгляду на язык А. Гумбольдта, стремившегося раскрыть «внутреннее содержание языка». Обычно принято противопоставлять гумбольдтианство структурализму Соссюра. Фуко (как и Косериу) удается показать, в каком смысле эти противоположные, казалось бы, позиции имеют общую основу.

Косериу в этом смысле и определяет язык как *εφερευεια* или как «речь, создающую знаки» [7. С. 168], т.е. как деятельность, в то же время обусловленную исторической необходимостью и свободную (в том, что она производит значение). Косериу указывает (и в этом он практически солидарен с Фуко), что до начала XIX в. не существовало философии языка, в которой язык рассматривался бы сам по себе, которая бы ставила вопрос о смысле использования языка человеком. Таким образом, ученые «классической эпохи» не могут быть рассматриваемы как «философы языка», а как представители гносеологии познания. Важное место в теории Косериу (как и в классической теории знака, по Фуко) занимает Дж. Локк, которого он рассматривает как предшественника современной семантики. Локк расширил представление о произвольности знаков «не только на отношение звуков и идей, но и составление обозначенных идей. Локк объяснял специфическую разницу значений слов в каждом языке разницей идей и потребностями народов в коммуникации». Э. Кондильяк, согласно Косериу, вслед за Локком выстраивает сенсуалистическую систему, в центре которой находится понятие произвольного знака. Значения сложных знаков также институционализированы, экстралингвистическая реальность не дает основания для унификации терминов языка. «Итак, Косериу находил семантические идеи у сенсуалистских авторов, которые совпадали с его семантическими позициями: идею того, что каждый язык организует значение по-своему, и того, что язык есть система, которая определяет значимость слов» [8. С. 34]

Перефразируя известное высказывание Локка, Косериу утверждает, что ничто не существует в языке, что раньше не было бы в речи. В пику Соссюру, противопоставлявшему речь языку, Косериу усматривает различия между речью, нормой и системой. «Конкретно, – пишет он, – существуют только лингвистические акты, лингвистическая реальность, реальность, одновременно социальная и индивидуальная, которая сама по себе несистематична, поскольку соответствует выражениям устных (*ineditas*) интуиций» [9. С. 64]. Так что, если исследователю кажется, что он выстроил достаточно стабильную систему, это не означает, что он получил другую реальность, отличную от языковой исторической действительности¹.

Параллель с Фуко нам видится в следующем: Фуко также обращает, по сути, внимание на различие «нормы» и «системы». Его «эпистемы» не являются сами по себе измышлениями или эмпирическими фактами. В «Словах и

¹ Языковая норма разнится в зависимости от того сообщества, в котором язык употребляется. Великие создатели языка – Данте, Сервантес, Пушкин – порывали с нормой, реализуя в высокой степени возможности системы. Таким образом, Косериу описывает язык как взаимосвязанную цепь «система – норма – индивидуальная норма – конкретное говорение».

вещах», преследуя широкие философские и культурологические цели, Фуко берет за основу некоторую «модель» или «систему» знания определенной эпохи и отличает ее от того содержания, которое обычно («норма») вкладывают в нее историки науки. Дело в том, что история науки, как и история философии, часто пользуются «гуманистическими» (в терминах Фуко) принципами в целях объяснения внутренней взаимосвязи событий знания. Эти принципы зачастую являются просто некоторыми «подпорками», унаследованными современностью от философской классики. Фуко убирает эти ненадежные «подпорки», пытаясь укрепить здание гуманитарных наук с помощью системных структур, «эпистем».

В структурализме Фуко увидел попытку объективации смысла и знака. Структурализм как для Фуко, так и для Косериу является не просто набором прописных истин, а чем-то противоположным этому: творческой инструментализацией живого познавательного процесса, механизмом поиска взаимосвязи современности и классики. К тому же структурализм для обоих означает определенное осознание специфики современного научного поиска. Фуко не видит для современного философствования возможности или смысла (если не говорить об исторической перспективе) целиком отказаться от предпосылок «гуманизма». Также и Косериу ясно видит невозможность для лингвиста совершенно отказаться от языка, на котором он излагает свои мысли.

История и историчность

Вопрос о том, как возможен исторический объект как таковой, непосредственно связан с тем, как возможно *изменение*. Вопрос о возможности изменения ставится непосредственно Косериу. Ошибка Соссюра, считает он, состоит в предположении, «будто строя описание состояния языка, мы выходим за пределы истории. В действительности описание исторического объекта – это момент его истории» [3. С. 320]. Противопоставляя «диахронии» «синхронии», Соссюр тем самым противопоставил между собой язык и историю, делая необъяснимым языковое изменение. Косериу же настаивает на том, что язык создается посредством изменения.

Фуко, в отличие от Косериу, говорящего о непрерывности истории, мыслит историю как череду прерывностей. Итак, мы имеем две разные, и даже противоположные, точки зрения на язык как на исторический объект. С одной стороны, для Косериу, история делает возможным бытие языка в силу своей непрерывной изменчивости. С другой стороны, согласно Фуко, та же история делает возможным бытие языка именно в силу своего неоднородного характера, делая такой исторический объект, как язык, возможным в качестве объекта знания.

В «Археологии знания» Фуко выделяет историю в первую очередь как область знания, вбирающую в себя все большее количество вопросов, в том числе входивших ранее в сферу философии истории, а также соприкасающуюся с условным «структурализмом» (этнографией, экономикой, литературным анализом) [10. С. 52]. В этом смысле он говорит об «эпистемической мутации истории», все более вбирающей в себя те вопросы, которые ранее относились к ведению философских наук.

В таком случае, как он правильно отмечает далее, возникает проблема исторического объекта: *тот ли же самый объект мы называем* тем или

иным образом? Философ приводит пример «безумия»: одно ли то же мы называем «безумием» в контексте средневековой мистики, просветительского рационализма, романтизма или научной психиатрии второй половины XIX в.? И мы настаиваем на том, что это – проблема, коренным образом семантическая. Сам Фуко в «Словах и вещах», очевидно, считает доказанным, что семантика исторического языкового объекта является «подчиненной» вопросу об отношении языка и знака. Но в «Археологии знания» этот вопрос ставится с особой остротой. Фуко выходит из многочисленных теоретических затруднений, связанных с проблемой единства объекта и правил его описания, говоря о дискурсивном единстве, описываемом не по принципу связности, а по принципу «рассеивания». То есть, не вдаваясь в подробности его метода, речь идет о том, чтобы описать не «внутреннее строение» объекта, а то, «что позволяет ему появиться... быть помещенным в поле взаимодействия внешнего характера (*champ d'extériorité*)» [11. С. 102].

Иными словами, перенося все эти рассуждения на почву языка и истории, мы можем сделать вывод, что исторические изменения языковых значений можно увидеть из наблюдений за чередой неординарных употреблений тех или иных «высказываний» в своеобразном историческом контексте. Мы никогда не поймем, например, что называли «безумием» в Средние века, если не обнаружим некое совершенно неожиданное для нас употребление этого термина в истории.

Как и Фуко, Косериу уделяет важнейшее место истории. В истории они видят принцип реального бытия языка вообще и частных языков. Как и Фуко, Косериу настаивает на том, что основное требование современной науки – абсолютная объективность, и что она может быть наиболее оптимальным образом достигнута историческим анализом бытия и знания.

Принципиальное отличие Фуко от Косериу в вопросах истории в том, что Косериу не признает принципиальной «прерывности» исторического процесса. В фактах культуры Косериу хочет видеть целенаправленность, т.е. видит в языке прежде всего сознательную деятельность. В отличие от него Фуко не рассматривает ни конкретные языки, ни частные языковые явления. Его интересует «коллективное бессознательное», позволяющее нам считать нечто языковым феноменом или феноменом физическим [10. С. 54].

Косериу обращает внимание на то, что семантика в языках часто продиктована «знанием самих вещей». «Семантическое поле, – пишет он, – представляет лексическую парадигму, которая возникает при сегментации лексико-семантического континуума на различные отрезки, соответствующие отдельным словам языка» [7. С. 9]. Слова могут объединяться в классы благодаря «архилексемам» и «классемам». Но что нам представляется здесь наиболее интересным, это – понятие ориентированной «лексической солидарности». Несомненно, интуитивно понятно, что такие слова, как «кусать» и «зуб», «валить» и «деревья», «распродавать» и «книги» связаны некоторой внутренней связью, происходящей не из языка, а из знания вещей.

История языка – это предпочтительная наука о языке, – пишет лингвист. История отдельных языков – это описательная наука, но описывает она не «вещи», а «структуры стратегий» (*Gefüge der Verfahrensweisen*). «Синхрония системы конституируется через диахронию норм, а синхрония языкового типа через диахронию системы» [4. С. 14]. Такой подход к истории приближа-

ется к фукальдианской «генеалогии»: генеалогия, в отличие от археологии, предусматривает, по Фуко, не создание параллельных истории науки методов, а дополнительное прикладное изучение сложившихся норм, обычаев, стратегий поведения, которые часто ускользают от внимания историков.

Таким образом, исследовательские методы Фуко и Косериу в применении к истории языка обнаруживают много существенно общего: избегая телеологии, с одной стороны, и оппозиций – с другой, они рассматривают историю как опосредующую среду, в которой производятся нормы, стратегии, порядки дискурсов, конфигурации. *История представляет собой у обоих философов не онтологически определяющий, а семантически ориентирующий прогрессивный (в пределах «только рассудка») процесс*, подобно тому, как Кант представляет свою «археологию знания» в «Критике способности суждения». С другой стороны, авторы имеют ряд принципиальных различий, в особенности касающихся направляющей роли сознания в формировании языка и культуры, что находит, на наш взгляд, конечное выражение в *антиномии языковой деятельности и «бессознательной» дискурсивности*.

Заключение

В чем нам видится относительный философский прогресс Косериу по сравнению с Фуко? Несмотря на то, что Фуко постоянно возвращается к проблеме языка, для него язык не является преимущественным объектом исследования. «Археология» Фуко, как известно, исследует систематические отношения, рассматриваемые независимо от связанной с ними предметности. Все эти отношения могли бы быть широко охарактеризованы как языковые (дискурсивные) или исторические, если бы это не приводило к парадоксальной констатации наличия языка и истории, лишенных своей субстанции. Отношения между языковой и исторической реальностью в том виде, в котором их обнаруживает структуралистская критика этой проблематики, заданной еще романтизмом, проясняются Фуко в некоей семиотической плоскости, к тому же ставятся в зависимость от перспективы отношений знания и власти. Тем самым язык может рассматриваться как универсальная фигура европейской метафизики, подверженная историческим разломам и преобразованиям¹. При этом проблематика речи как осознанного говорения, семантики как сознательного понятийного творчества, историчности языка как повседневности отходят на второй план. Это порождает необходимость тех исследований, которые бы проблематизировали историчность языка независимо от его «метафизических» функций, связанных с представлением субъекта в универсальном сознании. Ведь в языке запечатлевается не столько научная, сколько наивно-поэтическая картина мира, отображающая попытку сознательного понимания и описания мира «до» структур власти и знания. Коммуникативная, когнитивная и прагматическая функции языка также «приносятся в жертву» одной его означающей функции. «Археология» представляет язык тем, чем он стал у Соссюра, но не раскрывает его эвристического потенциала, обнаруживаемого в языке неогумбольдтианцами.

---

¹ При этом можно попутно поспорить и с тем и с другим относительно значимости языкового знака для формирования метафизических принципов «классической» эпохи с ее математизацией и физикализацией знания. Но это – отдельный сюжет.

Важно остановиться на «археологии» Фуко и осмыслить ее критическое значение. Но сам Фуко не дает нам ответа на вопрос, кто он есть, и открывает путь к самостоятельному поиску. В этом смысле работа Косериу, на наш взгляд, продвигается дальше в попытках ответить на вопрос, как возможна философия языка, которая не представляет собой двойника истории метафизики, а видит в языке, прежде всего, живое творчество звуков, знаков, понятий и значений в его гармоничном сочетании с историческим процессом.

Литература

1. Звезгинцев В.А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений // Новое в лингвистике / под ред. В.А. Звезгинцева. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3. С. 124–142.
2. Автономова Н.С. Предисловие // Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994. С. 7–32.
3. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике / под ред. В.А. Звезгинцева. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3. С. 142–343.
4. Coseriu E. Humanwissenschaft und Geschichte. Der Gesichtspunkt eines Linguisten. Oslo : Die Norweg. Akademie des Wissensch., 1979.
5. Coseriu E. Linguistique historique et l'histoire des langues (Linguistica storica e storia delle lingue) // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1992.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994.
7. Coseriu E. Les procédés sémantiques dans la formation des mots // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1982. P. 1–17.
8. Haßler G. La relation entre la philosophie du langage et la sémantique chez Coseriu // Cahiers de l'Université de Potsdam. P. 20–36.
9. Coseriu E. Teoria del lenguaje y linguística general. Gredos. Madrid, 1973.
10. Фуко М. Археология знания : пер. с фр., СПб. : А-сэд, 1994.
11. Foucault M. La philosophie structuraliste permet de diagnostiquer ce qu'est aujourd'hui // La Presse de Tunisie. 1967. 12 avril. P. 3 // Dits et Ecrits. 1994. T. I. P. 101–110.

Sergey A. Gashkov, Baltic State Technical University named after D.F. Ustinov (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: sgachkov@hotmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 103–113.

DOI: 10.17223/1998863X/44/10

LANGUAGE AND HISTORY BY MICHEL FOUCAULT AND EUGEN COSERIU: A COMPARATIVE ANALYSIS

Keywords: language; history; Foucault; Coseriu; philosophy of language; structuralism; comparative analysis.

The point in common of the French philosopher Michel Foucault and the German linguist (and philosopher of language) Eugen Coseriu (who wrote in several languages, Spanish and French, German and Italian) is that they belonged to the latest (“third”) generation of structuralists. Structuralism moved beyond particular disciplines (linguistics, ethnology, history) and became an interdisciplinary philosophical methodology of human sciences. Also, it preserved a particular interest in classic problems of philosophy and linguistics: being of language, history and historicity, sign and meaning. This paper aims to compare the main ideas of both scholars about the connection of language and history. The author of the paper shows that the structuralism of Foucault and Coseriu tried to solve the antinomies of the classical philosophy of language: synchrony and diachrony, structure and change, derivation and determination (classical philosophy of language was often based on the methodology of physical sciences). Our authors solved some important antinomies of classical structuralism, but they seem to have created some other ones, especially those of conscientious and unconscientious structures in linguistic activity.

References

1. Zvegintsev, V.A. (1963) Teoreticheskiye aspekty prichinnosti yazykovykh izmeneniy [Theoretical aspects of the causality of linguistic changes]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow: Izd-vo Inostrannoy literatury. pp. 124–142.
2. Avtonomova, N.C. (1994) Predisloviye [Foreword]. In: Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad. pp. 7–32.
3. Coseriu, E. (1963) Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya (problema yazykovogo izmeneniya) [Synchrony, diachrony and history (the problem of linguistic change)]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow: Izd-vo Inostrannoy literatury. pp. 142–343.
4. Coseriu, E. (1979) *Humanwissenschaft und Geschichte. Der Gesichtspunkt eines Linguisten* [Human Science and History. The point of view of a linguist]. Oslo: Die Norweg. Akademie des Wissensch.
5. Coseriu, E. (1992) Linguistique historique et l'histoire des langues (Linguistica storica e storia delle lingue) [Historical linguistics and the history of languages]. *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 46.
6. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
7. Coseriu, E. (1982) Les procédés sémantiques dans la formation des mots [Semantic processes in the formation of words]. *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 35. pp. 1–17.
8. Haßler, G. (n.d.) La relation entre la philosophie du langage et la sémantique chez Coseriu [The relation between the philosophy of language and semantics at Coseriu]. *Cahiers de l'Université de Potsdam*. pp. 20–36.
9. Coseriu, E. (1973) *Teoria del lenguaje y linguistica general* [Theory of language and general linguistics]. Madrid: Gredos.
10. Foucault, M. (1994) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French by M. Rakova, A. Serebryannikova. St. Petersburg: A-cad.
11. Foucault, M. (1994) La philosophie structuraliste permet de diagnostiquer ce qu'est aujourd'hui [The structuralist philosophy makes it possible to diagnose what is today]. *La Presse de Tunisie*. 12th April. pp. 3.